Нов. время. Окт 1907, 7 октября

Столѣтіе Императорскихъ московскихъ театровъ.

Въ 1906 году минуло сто лѣтъ со времени организаціи московскихъ казенныхъ театровъ. Театры существовали въ Москвѣ раньше, съ первой половины XVIII вѣка. Иногда тамъ даже устраивались и казенные спектакли, но правильная организація послѣднихъ относится лишь къ 1806 г. Раньше казенные спектакли были только случайными, и театральное дѣло Москвы находилось въ частныхъ рукахъ. Извѣстны театральная антреприза Кунста, начавшаяся въ 1702 г., впрочемъ съ пособіемъ отъ правительства, затѣмъ спектакли учениковъ хирургической школы. Это кажется были единственные публичные спектакли въ первопрестольной въ царствованіе Петра, существованіе недолго, такъ какъ переносеніе столицы въ Петербургъ не остылось безъ вліянія на весь укладъ московской жизни. Кое-какіе придворные спектакли были даны въ Москвѣ при коронаціи Анны Іоанновны и Елизаветы Петровны. Спектакли публичные начались въ 1759 г. антрепризою Локателли съ итальянскою оперою, затѣмъ [illegible] 1771 г. [illegible] антрепризы кн. Урусова и англичанина Медокса, перешедшая послѣдняго въ единоличное завѣдываніе послѣдняго. Театръ Медокса былъ самымъ серьезнымъ частнымъ предпріятіемъ въ Москвѣ XVIII столѣтія. До него всѣ попытки устроить частный театръ кончались фіаско. Ясно, что въ Москвѣ не было публики, интересовавшейся театромъ. Хотя во второй половинѣ XVIII вѣка начали появляться у разныхъ баръ домашніе театры, дойдя къ концу вѣка даже до 15, но это не мѣняетъ дѣла. Театры эти назначались не для публики, а для знакомыхъ хозяевъ; къ тому же и спектакли шли не регулярно, а какъ случится. Платящей публики было немного и у Медокса, и не даромъ ему приходился крутою черезъ какія-нибудь 12 лѣтъ послѣ открытія его театра. Москвичи любили балы и маскарады въ Благородномъ собраніи, которые привлекали толпы жителей и провинціальнаго дворянства, съѣзжавшагося въ царвопрестольную на зиму. Но театральные спектакли посѣщались плохо, если только не были дарожными, какъ на театрахъ московскихъ баръ.

Въ театрѣ Медокса спектакли были обставлены хорошо, но постоянными посѣтителями ихъ была лишь небольшая группа лицъ, состоявшихъ верно тѣхъ московскихъ любителей, которые имѣли впослѣдствіи, въ первой половинѣ XIX столѣтія, не малое вліяніе на ходъ театральнаго дѣла. Медоксъ былъ механикъ по профессіи, бо-гатый—по тому времени—человѣкъ. Этому Англичанину, пытавшемуся поднять культуру въ нашей первопрестольной, пришлось до того плохо, что онъ не только потерялъ все свое состояніе, но заложилъ даже самого себя. «Другого средства я не нахожу, какъ продать, и предаю я самъ себя, со всѣми моими наведеніями и поступающими съ нихъ доходами, въ полную волю и управленіе постояннаго Опекунскаго совѣта», писалъ онъ въ своемъ прошеніи. Тогдашній московскій генералъ-губернаторъ кн. Прозоровскій, какъ и многіе его дальнѣйшіе преемники, расположенныя театральными дѣлами по своему усмотрѣнію и налагали безъ стѣсненія свою тяжелую руку на чужія дѣла, руководствуясь своею прихотью и тѣмъ, что имъ подсказывали со стороны. Кн. Прозоровскій, сперва благоволившій къ Медоксу, а потомъ не валюбившій, сильно притѣснялъ его, [illegible] Медоксу приходилось [illegible] генералу-губернатору и разориться. Онъ заложилъ помаранчерею выше стѣны съ Опекунскимъ совѣтомъ, который отобралъ себѣ доходы и зданіе театра, назначивъ Медоксу жалованье въ 5,000 рублей и квартиру въ томъ же самомъ театрѣ, который построилъ послѣдній. Изъ богатаго и самостоятельнаго Медоксъ превратился въ нищаго и въ подчиненнаго администраціи человѣка. Такъ шли въ первопрестольной театральныя дѣла въ XVIII вѣкѣ.

Театръ Медокса сгорѣлъ на мѣстѣ теперешняго Большого театра. Онъ былъ каменный и по свидѣтельству современниковъ хорошій и удобный, что не мѣшало Прозоровскому увѣрять, что театръ скорѣе «представляетъ груду кирпичей, чѣмъ зданіе», что въ фасадѣ театра не было «архитектурной пропорціи». «Онъ гнилъ,—увѣрялъ генералъ-губернаторъ,—потому, что весь слухъ уходитъ подъ кровлю. Въ сырую погоду въ немъ бываетъ течь подъ будуи кровлю; вездѣ нитеръ ходитъ, вездѣ пыль и нечистота. Вижу нѣтъ сводовъ» и т. д. и т. д. Когда вспомнишь, что даже Эрмитажный театръ въ Зимнемъ дворцѣ при Екатеринѣ II былъ построенъ отвратительно и представлялъ собой сырое и холодное помѣщеніе, то можно заключить только одно, а именно: русскіе архитекторы строили театры скверно и кн. Прозоровскому не приходилось укорять Медокса. Нападки его объясняются лишь желаніемъ отобрать театръ, что и послѣдовало.

Изъ Опекунскаго совѣта театръ въ царствованіе Павла перешелъ въ завѣдываніе Воспитательнаго дома. Но на Опекунскій совѣтъ, на Воспитательный домъ не оказались на высотѣ новаго назначенія. Москвичи упорно не ходили въ театръ, а московское дворянство, когда ему предложили взять его въ свое завѣдываніе, категорически отказалось. Дѣла шли такъ неважно, что въ 1805 году въ средствъ Воспитательнаго дома пришлось занять 300,000 рублей на погашеніе театральныхъ долговъ. Медоксу, находившемуся подъ фрулой чиновниковъ, не удалось поднять своего дѣла на прежнюю высоту. Его окончательно уволили, но въ виду заслугъ и потери имъ всего состоянія ему назначили пенсію въ 3,000 рублей. Такъ кончилъ Англичанинъ свои театральныя дѣла въ Москвѣ.

Театръ умѣ лѣтъ 15 фактически находился въ казенныхъ рукахъ, а толку не было, и дѣла шли хуже и хуже. Приходилось подумать о новомъ его устройствѣ. Самый простой планъ былъ соединить московскій театръ съ петербургскимъ. На этотъ планъ А. Л. Нарышкинъ послѣдовало согласіе Александра I. Директоръ волжгалъ большія надежды на сочувствіе московскаго общества къ переходу театра въ придворное вѣдомство и «за цифрою многолюдной столицы къ сему полезнѣйшему, имѣющему благодѣтельное вліяніе на всеобщее просвѣщеніе и нравы, роду увеселеній». 29 декабря 1806 года послѣдовалъ соотвѣтствующій указъ, и такимъ образомъ началась жизнь московскихъ казенныхъ театровъ.

Бывшій главный помощникъ И. А. Всеволожскаго по управленію театрами В. Поговнемъ написалъ книгу по поводу этого юбилея—«Столѣтіе организаціи Императорскихъ московскихъ театровъ». Вышла только первая книга, заключающая обзоръ за первыя 20 лѣтъ—по 1826 годъ. Въ задачу его не входила исторія художественной жизни московскихъ театровъ. Она ограничивается лишь сводомъ архивныхъ свѣдѣній за первый вѣкъ существованія театровъ. Трудъ изданъ на средства дирекціи дважды—въ видѣ отдѣльной книги и въ «Ежегодникѣ» за 1905—1906 г. Въ немъ встрѣчается масса свѣдѣній всякаго рода, касающихся и художественной жизни театра. Нѣтъ такихъ архивныхъ данныхъ, которыя бы не вадѣли мимоходомъ жизни и быта не только сцены, но и самого общества. Надо умѣть только читать внимательно.

Красной нитью въ исторіи Императорскихъ театровъ проходитъ принципъ экономіи во что бы то ни стало. Этотъ принципъ хорошо намѣ повѣстенъ по всѣмъ областямъ государственной и административной нашей жизни. Онъ положенъ въ ея основу, казна имъ всегда руководилась и выходило всегда наоборотъ: экономія не спасала и дальнѣйшіе расходы становились жизнѣбными. Такъ было и съ театромъ. На содержаніе его въ Петербургѣ и въ Москвѣ съ самаго начала были назначены слишкомъ небольшія суммы. Театры дѣлали дефицитъ. Екатерина сердилась, преемники ея были также недовольны, но приходилось платить долги. Оставимъ въ сторонѣ безалаберность въ управленіи, въ особенности при Екатеринѣ II, безъ сомнѣнія [illegible] траты лишнихъ денегъ, надо признать, что корень дефицитовъ заключался въ несоотвѣтствіи первоначальнаго плана и его выполненіи. Театры предполагались быть только придворными, вуаѣдорцы для лицъ, близкихъ ко двору. На дѣлѣ выходило иначе. Спектакли въ Петербургѣ, напримѣръ, опера давались два раза въ недѣлю, но артисты сидѣли сложа руки, пришлось увеличить число спектаклей до четырехъ и сдѣлать ихъ публичными. Явились великіе расходы, добавочные расходы, выходившіе въ прежней смѣты, явился и дефицитъ. Придворные театры существовали во всѣхъ столицахъ Европы—мало ли ихъ было въ одной только Германіи!—безъ особенныхъ расходовъ, пока не становились общественными достояніемъ. Какъ только спектакли дѣлались публичными, придворные театры всюду закрывались и только большія государства могли сохранить ихъ, но съ постоянными добавленіями изъ казны. Сумма ежегодныхъ расходовъ, выходившихъ на театральные требованія исполнительнаго персонала, тѣмъ положеніе спектакля становилось нетрудительнѣе, тогда какъ цѣлыя статьи расходовъ увеличивались. Театральное дѣло всегда стоитъ на шаткой почвѣ любительства публики. О значеніи театра, какъ школы своего рода, что представляетъ прежнимъ нестателиъ, не можетъ быть и рѣчи. Если въ финансовомъ отношеніи удается провести хорошо одинъ или нѣсколько сезоновъ кряду, то всегда за ними можетъ явиться плохой годъ, который уничтожитъ, либо сильно подвергнетъ все прежнее финансовое благополучіе, какъ нотрезай имѣвшіе финансовые расчеты сельскаго хозяина. Конечно надо принимать мѣры для обезпеченія театральнаго предпріятія, но все-таки лѣвъ отбыи не рассчитаешь, и все-таки лѣвъ отбыи не всѣхъ страхъ, послѣдствіе тѣхъ или другихъ причинъ, сказанное дѣло не можетъ похвалиться своей устойчивостью.

Московскіе театры не были исключеніемъ изъ общаго правила. Штаты, составленные для нихъ, оказались скоро неудовлетворительными: то публика не посѣщала ихъ, то являлась необходимость выстроить новое зданіе, то Наполеонъ приходитъ въ Москву, то еще что-нибудь. Самыя мудрыя распоряженія не могли вкладыть хозяйственнаго дѣла на московскихъ театрахъ. Александръ I разсчитывалъ на экономію и на сдѣланную имъ страстную театральному управленію. Но дѣйствительность не оправдала его увѣренности. Приходилось отпускать нѣкоторыя новыя суммы. Отъ скромнаго елагинскаго штата при Екатеринѣ, едва доходившаго до 200,000 съ небольшимъ, надержки по театрамъ въ началѣ царствованія Александра I дошли въ 1809 г. до 1.358,740 руб. Изъ этой суммы на Петербургъ тратилось почти 1.000,000 и на Москву 365,000 р. По московскимъ театрамъ сборы повидимому получались лучше, чѣмъ въ Петербургѣ. Процентное отношеніе доходовъ къ расходамъ выражалось въ Петербургѣ въ 35% (сборъ 300.000, расходъ 855,000), а въ Москвѣ въ 51% (сборъ 188,000, расходъ 366,000). Мы кажется, что видимый перевѣсъ въ сторону доходовъ, замѣчаемый въ Москвѣ за время, о которомъ идетъ рѣчь, объясняется лишь назначительностью суммы, отпускавшейся московскому театру на расходы. Въ Петербургѣ театры—по мѣрѣ числу и по обстановкѣ—стоили большихъ денегъ, спектакли давались въ большемъ числѣ и съ большимъ пышностью. Сборы же, по числу населенія въ обѣихъ столицахъ, были приблизительно одинаковыми, съ естественнымъ перевѣсомъ даже въ сторону Петербурга. Въ сущности въ обѣихъ столицахъ театры не состояли потребности населенія и большинство посѣщаго обходились безъ нихъ, довольствуясь балаганами на Масленой и на Святой. Съ тѣ. Положеніе принимаетъ нѣсколько дѣлбѣ, что театру «монополія мода на него въ Москвѣ и всегда оригинал Англоманской склонность горожтьси сводить и предпочитать иногородному—доморощенное, московское».

Это объясненіе представляется правильнымъ. Когда же вода пошла и спектакли пришлось обставлять лучше, сборы такъ, оставились хотя бы и на прежней точкѣ. Расходы еще увеличились, когда на мѣстѣ сгорѣвшаго театра Медокса выстроили Большой театръ, въ свою очередь сгорѣвшій впослѣдствіи (въ началѣ 60-хъ годовъ). Новое зданіе, открытое въ 1824 году, по своимъ размѣрамъ заняло второе мѣсто въ Европѣ послѣ миланскаго, оставши за собою и неаполитанскій Санъ-Карло. Нужно ли было такой театръ Москвѣ, гдѣ, кстати, какъ разъ въ это время казна построила и Малый театръ, сказать трудно. На обѣихъ сценахъ давались почти одинаковыя представленія.

Я совсѣмъ не печерпалъ содержанія книги г. Поговнева, ограничиваясь указаніями на богатство ея содержанія для тѣхъ, кому-то, кто гдѣть читать. Остановлюсь здѣсь только на одномъ лишь положеніи «Постановленіяхъ Императорской театральной дирекціи», выработанномъ въ 1824—1825 годахъ и приведенномъ in extenso г. Поговневымъ. Авторъ или авторы этого постановленія говорятъ очень мѣтко о репертуарѣ: «Репертуаръ, душа театровъ, усовершенствовается и поддерживается: остроумнымъ выборомъ, вѣрнымъ изученіемъ, хорошею обстановкою и удовлетворительнымъ исполненіемъ піесъ, которыя зависятъ отъ приличнаго распредѣленія ролей, достаточнаго времени къ изученію оныхъ, и общаго содѣйствія всѣхъ персонажевъ».

Это совершенно правильный взглядъ на кальмное отношеніе любого театра къ дѣлу. Далѣе высказывается рядъ мѣткихъ замѣчаній, вполнѣ пригодныхъ къ нашему времени.

«Одинъ или нѣсколько актеровъ, имѣющихъ отличное дарованіе, временно привлекаютъ публику и доставляютъ дирекціи нѣсколько полныхъ сборовъ, но безъ хорошо составленнаго репертуара не приносятъ они пользы театру и чести... Тѣ театры, которыя привлекаютъ зрителей только нѣсколькими отдѣльными дарованіями, выкалываемыми ими на афишу, въ уменьшеніе прочихъ артистовъ, пьесъ и нигдѣ долго не процвѣтаютъ. Они, подавая всю надежду свою на выставляемыхъ ими артистовъ, а на ко достоинство пьесъ и исправность представленія оныхъ, пренебрегаютъ необходимости въ зависимости сами любимцевъ публики, покорняется ихъ своеволію, уничтожаютъ, въ угодность ихъ, возникающіе дарованія, составляютъ репертуаръ для удовлетворенія ихъ самолюбія и тѣмъ самымъ дѣйствуютъ противъ собственныхъ своихъ выгодъ. Но могли ихъ заставить играть не только важныя спектакли, но и слишкомъ часто, чтобы не прельстить публику, или только привлекаемую, они лишаютъ себя постоянныхъ сборовъ; и не бывши уже въ силахъ составить привлекательный репертуаръ, изъ другихъ актеровъ, въ которыхъ оскорбленное самолюбіе родитъ лицемѣрное, убиваетъ усердіе и любовь къ искусству, безъ коихъ не можетъ быть общаго дѣйствія, необходимаго для успѣшнаго представленія пьесъ, дирекція, отъ капризовъ, болѣзни или удаленія набалованныхъ талантовъ, совершенно увядаетъ. Представленные въ парижскихъ журналахъ примѣры: 1) г. Жоржа, уничтожающаго всѣхъ актеровъ Одеона и 2) театра Лиадова, прорѣтвавшаго долгое время безъ отличныхъ дарованій, однимъ совершенствомъ общаго дѣйствія, служатъ неоспоримымъ доказательствомъ, что честь и польза репертуара зависятъ единственно отъ театра, благоразумно составленнаго и тщательно исполняемаго».

Это дѣйствительно золотыя слова, которыя надобно помнить всѣмъ директорамъ и антрепренерамъ, а также и тѣмъ господамъ журналистамъ, которые не находятъ ничего лучшаго для себя, какъ пренасмѣять нѣсколько вѣрныя и выгодныя лишь отдѣльныхъ актеровъ, не понимая всего вреда, который могутъ принесть такія писанія.

М. Ивановъ